Археологические вести

— 27 —

Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 27** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

К интерпретации камерных погребений X — начала XI в. на Старовознесенской возвышенности в Пскове¹

Н. В. Хвощинская²

Аннотация. Во время охранных в 2003–2009 гг. археологических раскопок в Пскове были открыты восемь камерных захоронений X — начала XI в., которые располагались обособленно от синхронного городского кладбища и отличались особым богатством погребального инвентаря. В статье приводятся доказательства, что данные захоронения могли быть оставлены купеческой общиной, занимающейся международной торговлей.

Annotation. During the rescue archaeological excavations of 2003–2009 in Pskov, eight chamber burials of the 10th and early 11th century were uncovered in Pskov. They are located separately from the synchronous city's cemetery and were distinguished in a particular richness of the burial goods. This paper presents evidence that these burials can have been left by the merchant's community concerned with international trade.

Ключевые слова: Древний Псков, Старовознесенский могильник, камерные погребения X — начала XI в., торговля.

Keywords: Early Pskov, Starovoznesensky cemetery, chamber burials of the 10th and early 11th century, trade.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-306-316

В 2003–2009 гг. во время охранных археологических раскопок в Пскове на южной территории Окольного города у древнего Старовознесенского монастыря были открыты восемь камерных погребений. Изданный по материалам этого некрополя фундаментальный труд большого коллектива авторов с подробным анализом погребального обряда и инвентаря, а также с детальной публикацией отчетной документации ввел в научный оборот уникальный археологический памятник, существенно дополняющий наши знания

о камерных погребениях Древней Руси (Древнерусский некрополь, 2016). Поистине сенсационные открытия псковских археологов не до конца еще оценены в отечественной науке.

Следует отметить, что в отличие от других раннегородских центров в Пскове в черте современного города под мощным культурным слоем в разные годы удалось обнаружить и изучить остатки двух курганных некрополей X — начала XI в. Один (основной городской) находился в непосредственной близости раннему посаду и детинцу на Городецкой возвышенности между реками Псковой и Великой и уже с середины — второй половины XI в. стал постепенно застраиваться (Яковлева, 2016а. С. 23). Второй, о котором и пойдет речь, располагался на Старовознесенской возвышенности в отдалении от псковского городища и примерно в километре от первого

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

могильника. Несмотря на одновременность памятников, они сильно отличаются друг от друга, как по погребальному обряду, так и по комплексу сопровождающих вещей.

В городском некрополе было вскрыто 80 захоронений. Среди них преобладали трупопожжения (71) с немногочисленным погребальным инвентарем, в основном представленным бытовыми, хозяйственными изделиями и керамикой, иногда бусами, металлическими украшениями и деталями костюма; в единичных случаях — предметами северо-европейского круга древностей³ (Малышева, 2012. С. 26–90). Три из девяти ингумаций, по мнению исследователей, были камерными, но по характеру сопровождающего инвентаря они практически не отличались от рядовых могил. Лишь в одном на костях были зафиксированы скопления тонких золотных нитей, которыми были вышиты отдельные части костюма (воротник, обшлага и др.). Одним словом, это был обычный раннегородской могильник, в материале которого отразился этнокультурный и социальный срез псковского общества языческой поры.

Совершенно иное явление представляет собой группа погребений, открытых около Старовознесенского монастыря. Она резко отличалась от могильника на Городецкой возвышенности как по единообразному, устойчивому характеру погребального обряда, так и по необычному составу и богатству сопровождающего инвентаря. Дадим ее краткую характеристику.

На площади 5548 кв. м на двух раскопах, Старовознесенском и Подзноевском, было

³ На весь достаточно крупный могильник только девять изделий скандинавского облика: две скорлупообразные фибулы (погребение № 4), рамка серебряной пряжки и бронзовый наконечник ремня, выполненные в стиле Борре (погребение № 57), гривны из тордированной проволоки с подвесками (из разрушенных погребений), щитообразные подвески (погребение № 20), комплект миниатюрных амулетов (погребение № 57). К числу скандинавских находок можно также причислить дугообразную фибулу (погребение № 15) и кольцевидную булавку (погребение № 46), но, скорее всего, они были сделаны местными мастерами по северо-европейским образцам.

вскрыто восемь захоронений, которые, видимо, составляли только часть могильника. Среди исследованных погребений было четыре женских, два мужских (одно из которых сопровождалось погребением подростка) и два детских (девочки и мальчика). Все без исключения захоронения были камерными, совершенными по обряду ингумации. Хотя сохранность камер была различна и у каждого сооружения прослеживаются свои особенности, общим для них признаком являлись обширные по размеру ямы, в которые впускали срубы, имевшие пол и потолок (Яковлева, 2016б. С. 484–505). Интересно пространственное размещение захороненных внутри срубов: женщина в погребении № 1 полусидела на возвышении; в камере № 3 удалось реконструировать ложе-кровать; мальчик, сопровождавший захоронение мужчины в камере № 4, был помещен в лодку (бревна пола были выдвинуты за пределы сруба, и на них поставлена лодка-долбленка), а девочка в камере № 7 лежала в сундуке. Характер разнообразного размещения тела умершего в пространстве полой гробницы имеет прямые параллели в скандинавском обряде⁴.

Обычно «население, соорудившее погребения в камерах, не дистанцировало себя и своих покойников от основной части „дружинных могильников“» (Михайлов, 2016. С. 52), поэтому камерные погребения в первых русских раннегородских центрах Киева, Чернигова, Гнёздова, Тимерёва были рассредоточены среди других типов захоронений и не создавали обособленных групп. В отличие от них, Старовознесенский могильник представлял собой компактное кладбище исключительно из камерных захоронений в отдалении от городского кладбища. Такая топографическая обособленность свидетельствует, что он был оставлен группой населения, занимавшей особое место в социальной структуре города. Суммируя материалы этого

⁴ На территории Скандинавии в качестве гробовищ часто использовались совершенно различные вместители: лодки, сундуки, кузова небольших повозок, одиночные сани и пр. (Gräslund, 1980. P. 149–153).

уникального погребального комплекса и отмечая «относительную одномоментность захоронений», псковские исследователи сделали заключение, что «помимо достаточно высокого социально-имущественного уровня, единства этнической принадлежности и духовной ориентации, членов этой корпорации связывали и кровно-родственные узы» (Яковлева и др. 2012. С. 151).

Особый статус этих людей материально воплощен в количественном и качественном составе погребального инвентаря. Богатство отдельных захоронений превосходит все ожидания, поражает воображение и сравнимо с богатейшими камерами Киева, Гнёздова и Бирки. Даже в разграбленных еще в древности могилах сохранились предметы и украшения или их фрагменты, свидетельствующие о роскошном убранстве костюма погребенных и богатых дарах, помещенных в камеры. Изучая материалы отдельных захоронений, Н. В. Ениосова тонко подметила, что погребение № 1 в псковском некрополе без преувеличения можно считать самым богатым женским захоронением не только в самом могильнике, но и на всей территории Древней Руси (Ениосова, 2016. С. 558).

Золото крайне редко встречается в памятниках лесной зоны Восточной Европы⁵. Это был металл престижа, его вывоз из Византии был строго регламентирован (Ениосова, 2007. С. 315). Именно поэтому при всем богатстве камерных захоронений золотые вещи в них почти полностью отсутствуют, хотя они представлены вкладах этого времени. К. А. Михайлов объясняет это тем, что «вещевой набор в камерах, по-видимому, представляет собой достаточно символическое отражение богатства и прижизненного положения умершего. Никто из окружающих его близких не собирался демонстрировать все богатство покойника, укладывая в могилу все

его добро и драгоценности» (Михайлов, 2016. С. 166). На этом фоне присутствие шести золотых предметов в восьми погребениях, четыре (а возможно, и пять⁶) из которых были ограблены еще в древности, выглядит весьма внушительно для оценки имущественного положения данной социальной группы. В погребениях женщины (№ 1) и девочки (№ 7) были встречены золотые колечки с напущенными на них стеклянными бусами. У девочки на голове еще находилась золототканая тесьма-очелье. В другом женском захоронении (№ 8) обнаружены плетеный крест из полосок золотой фольги и золотая бить от отделки одежды. В мужском захоронении (№ 6) в кошелек был положен золотой слиток-самородок.

Наряду с золотыми предметами значительную долю в погребениях составляют изысканные высокохудожественные украшения, детали одежды и декоративные элементы бытовых предметов и оружия, выполненные из серебра. Из семи захоронений происходит 55 серебряных предметов и восемь монет⁷. Некоторые украшения и элементы декора орнаментированы зернью, сканью или гравировкой, на четырех сохранились следы золочения и чернения. При исследовании находок из драгоценных металлов Н. В. Ениосова отмечает, что если серебряные предметы, происходящие с территории Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Среднего Поволжья, Венгрии и Южной Руси, в основном изготовлены не из высококачественного металла, то подавляющее большинство находок из камерных погребений Пскова имеет очень высокую пробу и по составу металла сравнимо только складами Гнёздова и Скандинавии (Ениосова, 2016. С. 532). А следовательно, данной

⁶ Камера № 8 на плане показана как предположительно ограбленная (Яковлева, 2016а. Рис. 1). Однако судя по описанию самой камеры, и тому, что *in situ* сохранилась только нижняя часть скелета (Ершова, 2016б. С. 351, 352), если погребение и не было ограблено в древности, то оно однозначно было нарушено поздними перекопами.

⁷ В потревоженном погребении № 8 серебряных предметов не было зафиксировано, но при этом имелись золотые изделия.

⁵ По подсчетам Н. В. Ениосовой «на территории Древней Руси встречено не более 50 украшений и их фрагментов, относящихся к позднему периоду викингов», а также около 60 монет и пять слитков, причем в основном золотые изделия концентрировались в Южной Руси (Ениосова, 2007. С. 307).

группе населения были доступны престижные изделия, производившиеся в мастерских, где драгоценное сырье подвергалось строгой проверке. Скорее всего, эти мастерские находились при правящих дворах Северной Европы и Древней Руси. Если ко всему этому великолепию добавить привозные шелковые ткани, фрагменты которых были найдены во всех погребениях (Зубкова, Орфинская, 2016. С. 374), то можно только представить, насколько высоки были статус похороненных здесь людей и их материальный достаток.

Следует отметить еще один важный момент: все восемь погребений были одинаково богаты, чего практически не бывает в обычных могильниках. Причем детские захоронения в этом отношении не уступали взрослым. Рассматривая в целом детские камерные захоронения, К. А. Михайлов отмечал, что поскольку дети сами по себе еще никакого статуса не достигли, то они «получают набор взрослого погребального инвентаря как бы „авансом“, в силу того положения, которое занимает род погребенного в обществе» (Михайлов, 2016. С. 170). Даже к подростку, который сопровождал мужское захоронение, был положен боевой топор. Данный факт, по мнению исследователей, свидетельствует, что мальчик имел статус свободного человека, но, видимо, находился в подчинении у похороненного в камере мужчины (Ершова, Яковлева, 2016. С. 200–201).

Одной из особенностей срубных гробниц, как в Скандинавии, так и на территории Древней Руси, является эклектичность в наборе погребального инвентаря. В нем обычно представлены изделия, имеющие широкий географический диапазон происхождения — от Северной Европы до стран Востока и Византии. В данном случае псковский некрополь не является исключением. В материальной культуре жителей города, оставивших срубные могилы, выделяется *группа вещей североевропейского облика* (фибулы, подвески-личины, оковка на рог, предметы «пиршественного набора», приспособления для взвешивания и др.); *византийский импорт* (монеты, шелковые и драгоценные

ткани (парча, золотая бить), декоративные разноцветные стеклянные пластинки и др.); *украшения, выполненные в славянской ювелирной технике* (подвески и бусины) и *изделия, характерные для населения Поволжья и Юго-Восточной Европы* (наременная поясная гарнитура, болгарский дирхем, оковка чаши), *Прикамья* (кресало с бронзовой рукоятью), а также *арабские дирхемы*. Причем следует отметить, что, судя по составу металла, наряду с привозными предметами некоторые изделия, например скорлупообразные скандинавские фибулы, могли быть изготовлены непосредственно на территории Древней Руси (Ениосова, 2016. С. 543).

Итак, из анализа археологического материала можно сделать вывод, что во второй половине X в. в Пскове вне основной застройки проживала группа очень богатых горожан, видимо, приближенных к княжескому двору. Мы не знаем, где находился княжеский двор в Пскове, однако могильник расположен на магистральной дороге, которая вела из города на юг к древнейшей переправе через р. Великую в район деревни Выбуты, которую многовековая устная традиция связывает с княгиней Ольгой (Александров, 2001).

Коснемся некоторых общих вопросов относительно оценки камерных погребений на территории Восточной Европы. В отечественной историографии по мере накопления материалов погребения в «деревянных камерах» (срубах) разные исследователи рассматривали как захоронения знатных заезжих скандинавов (этому способствовал красочный рассказ Ибн-Фадлана), предводителей княжеских дружин и самих дружинников, представителей местной родовой знати и их окружения, купцов, разбогатевших на международной торговле и их родственников и т. д. (см. историографию: Михайлов, 2016). Одним словом, социальная составляющая людей, похороненных в своеобразных камерных гробницах, не вызывала особых разногласий среди авторов, менялись только точки зрения на сферу их деятельности.

С систематизацией материала произошло и переосмысление восприятия камерного

обряда не как чужеродного явления в древнерусской культуре, а как одного из ее элементов. Все больше исследователей приходит к мысли, что в период сложения Древнерусского государства выстраивается особая национальная культура, органической частью которой становится скандинавский компонент, а погребения в «деревянных камерах» (срубах) являются ее частью (Макаров, 2012. С. 449, 459; Платонова, 2017. С. 9–29). Одним словом, данный обряд появился на территории Руси в среде элитарной части формирующегося раннефеодального общества в период становления государственности в восточнославянских землях (Мусин, 2002. С. 150). И то, что при сооружении подземных гробниц использовалась древнерусская домостроительная техника, подчеркивает уже его местную основу (Михайлов, 2016. С. 66; Яковлева, 2016. С. 502, 503).

Вопрос, о том, кто именно входил в этот привилегированный слой общества и был похоронен в срубных гробницах, фактически не решаем на материалах археологии. Мы можем лишь предполагать, что это были знатные, а, возможно, просто влиятельные люди, члены их семей и близкие родственники. Они могли быть профессиональными воинами-дружинниками, воеводами, оруженосцами князя, дипломатами, представителями служилой и торговой знати и т. д. В большинстве случаев можно присоединиться к мнению Ю. Э. Жарнова и Т. А. Пушкиной, что не имеет смысла пытаться определить профессиональную принадлежность погребенных (Жарнов, 1992. С. 21, 22; Пушкина, 2016. С. 21).

В этой связи материалы Старовознесенского могильника представляют тот исключительный счастливый случай, когда мы можем попытаться определить место этой группы населения в структуре древнего псковского общества. Я вполне осознаю, что восемь погребений, обнаруженных при случайных обстоятельствах, являются небольшой выборкой для окончательных выводов. Но в условиях современного города мы вряд ли узнаем в ближайшее время общие размеры могильника и особенность других погребений, так

что будем исходить из имеющихся фактов. В составе инвентаря исследованных захоронений имеется серия редких и достаточно необычных находок, которые следует рассмотреть отдельно, поскольку наличие этих предметов позволяет сделать определенные выводы о статусе их владельцев.

Прежде всего следует обратить внимание на встреченные в женском погребении № 1 подвески, для которых были использованы позолоченные серебряные милиарисии Романа I (920–945 гг.), а также Константина VII и Романа II (945–959 гг.). Поскольку чеканка серебряных милиарисиев в Византии была ограничена и они не вводились в широкое денежное обращение, то эти монеты крайне редко встречаются в могильниках на территории Руси, чуть чаще в составе кладов конца X в. (Гайдуков, Калинин, 2012. С. 407). За пределы Византии они чаще всего попадали в качестве даров во время торжественных церемоний при дворе императоров. Вспомним раздачу милиарисиев Константина VII во время посольства княгини Ольги в Константинополь (Литаврин, 1982. С. 74).

К аналогичной группе находок относится еще одна уникальная вещь из женского захоронения № 3 — кусок полихромной шелковой ткани, на которой изображена сцена охоты сасанидского царевича Бахрама Гура. Это известный сюжет, который встречается на более ранних тканях, датирующихся не позднее IX в. По мнению специалистов, «„псковский“ Бахрам Гур — образец позднего подражания сасанидскому сюжету» (Зубкова, Орфинская, 2016. С. 390). В отличие от гладких шелковых тканей, преимущественно окрашенных в красно-коричневые тона, встреченных в большинстве погребений, полихромная узорчатая ткань является продукцией совершенно иного сорта. Если гладкие безузорные ткани были дешевле и составляли основу византийского экспорта, то производство узорчатых полихромных тканей с изображениями растений, птиц, зверей, различных орнаментов «являлось государственной монополией, и в X в. торговля такими тканями была еще запрещена. За пределы империи подобные

шелка, по всей вероятности, могли попасть лишь в качестве даров византийского императорского двора» (*Там же*. С. 389).

Серебряные византийские монеты и полихромная узорчатая ткань свидетельствуют, что люди, похороненные в Старовознесенском могильнике, или их родственники участвовали в поездках в Византию, откуда и были вывезены эти богатые дары.

Вторая группа предметов также не менее любопытна и непосредственно связана с потребностями торговли с Византийской империей. Так, при мужчине (погребение № 6) в кожаном кошельке вместе с дирхемом находился маленький самородок (слиток?) золота (*Ершова*, 2016а. С. 273). Подобные находки исключительно редко встречаются вне кладов. В качестве аналогии можно упомянуть два миниатюрных золотых слитка, обнаруженных при раскопках центрального гнёздовского городища и пойменной части селища (*Ениосова*, 2007. С. 313).

В один ряд со слитком можно поставить гривну и два браслета из высокопробного серебра, сопровождавшие женское захоронение № 1. Они изготовлены весьма примитивно, с помощьюковки, можно сказать просто грубо, и совершенно не похожи на обычные украшения (*Древнерусский некрополь*, 2016. Номера по каталогу: с. 68, № 14, 15; с. 69, № 18). Подобные вещи характерны прежде всего для вещевых кладов, нежели для погребений. Они являются теми же «слитками» в форме украшений и использовались в качестве платежных средств. В данное захоронение они были положены, скорее, как символ богатства, основная их ценность — высокая проба металла.

Обе эти группы предметов еще раз доказывают, что похороненные в могильнике люди имели прямое отношение к международной торговле.

В этой связи особый интерес приобретает еще одна категория находок. В пяти из восьми погребений были найдены цельные складные весы для взвешивания серебра (возможно, они были и в остальных захоронениях, но комплексы оказались нарушены). В трех

случаях вместе с весами встречены гирьки или монеты (*Яковлева*, 2016в. С. 476–482). Целые весы являются очень редкой находкой, как в североевропейских погребальных древностях, так и в древнерусских курганах (*Михайлов*, 2016. С. 122). В захоронения чаще клали отдельные гирьки, так как весы, видимо, были достаточно дорогим инструментом. По подсчетам Т. А. Пушкиной, почти на тысячу исследованных курганов в Гнёздово приходится только 14 находок весов (*Пушкина*, 1991. С. 234). В Старовознесенском же могильнике весы представляют собой устойчивый элемент погребального инвентаря, причем независимо от пола и возраста погребенного (они обнаружены при двух женщинах, мужчине, девочке и мальчике). Я согласна с существующей точкой зрения, что нельзя примитивно интерпретировать захоронения с весами и гирьками как погребения купцов (*Там же*. С. 233–234; *Жуковский*, 2019. С. 25). Однако в данном случае, учитывая все вышесказанное, весы выступают как своеобразный знак, символ купеческого сословия.

При определении статуса погребенных в камерных гробницах Бирки в свое время А. С. Грэслунд высказала мнение о том, что в камерах хоронили не просто княжеских дружинников, а скандинавов (воинов и купцов), занимающихся международной торговлей, и членов их семей (*Gräslund*, 1980. Р. 79–82, 86). Ни в коем случае не перенося данную точку зрения на все камерные гробницы Восточной Европы, для Старовознесенского могильника она выглядит вполне убедительно. Мне кажутся критические замечания в адрес А. С. Грэслунд, высказанные К. А. Михайловым с некоторой долей иронии, не совсем обоснованными. Он пишет, что исследовательница, говоря о неких «преуспевающих скандинавских купцах», видимо, «представляет этих купцов как сплоченную корпорацию, наподобие средневековой Ганзы или английской Вест-Индской компании, оторванную от национальных и родовых погребальных традиций. Для эпохи викингов подобные представления выглядят излишне модернизированными» (*Михайлов*, 2016. С. 160). Конечно, в IX–X вв. масштабы

товарообмена были не столь внушительны, как в развитое средневековье и новое время, но, судя по сохранившимся западноевропейским письменным источникам, в эпоху викингов торговля на Балтике была достаточно хорошо организована. Не следует забывать, что торговые суда постоянно подвергались разбою и нападению (возьмем хотя бы описание нападения пиратов на купеческий корабль франкского епископа Ансария при его путешествии из Дании в Бирку около 845 г.)⁸, поэтому они практически не плавали в одиночку, а старались объединяться. Й. Херрман отмечает, что экипажи торговых кораблей «скапливались в портовых местах и соединялись во флотилии. Это вело к образованию купеческих товариществ или гильдий» (Херрман, 1986. С. 95).

Первые пункты обмена в бассейне Балтийского моря начали появляться в VIII — первой половине IX в., но уже во второй половине IX — X в. многие из них превращаются в полиэтнические раннегородские поселения, такие как Ладога, Рерик, Хедебю, Ральсвик. Появляются и новые торгово-ремесленные центры: Бирка, Павикен, Щецин, Волин и др. (Там же. С. 76–83). В связи с длительностью путешествий торговцам приходилось делать остановки на некоторое время, что способствовало появлению на территории поселений определенных мест, где проживали иноземные купцы. В западноевропейских источниках сохранились описания раннегородских опорных торговых мест. По свидетельству Адама Бременского, Волин в устье Одера был «величайший из всех городов, которыми располагает Европа; в нем живут славяне и

другие племена, эллины и варвары. Также и пришельцы из саксов получили здесь право поселения...» (Там же. С. 76). Из жизнеописания Ансария мы узнаем, что в шведской Бирке «фризы из Дорестада обладали правом поселения, то есть правом на жилище и земельный участок» (Там же. С. 64). По мнению Л. Лециевича, в ранних западнославянских городах возникали «ярмарки, посещаемые купцами и производителями, которые нередко оставались здесь на постоянное местожительство» (Лециевич, 1997. С. 9).

Рассматривая механизм средневековой торговли, Й. Херрман отмечал, что распространение арабских монет ни в коем случае не свидетельствует о прямых путешествиях арабских купцов на Балтику. «Как правило, купцы из арабских халифатов достигали лишь перевалочных пунктов в Рейланде, реже — в Подунавье, сравнительно чаще — в Киевской Руси или Волжской Булгарии. <....> Непосредственной торговлей Балтики с восточноевропейскими центрами, поддерживавшими прямые контакты с исламским миром, занимались, прежде всего, купцы сопредельных племен, народов и государств: годланцы, свеи или упландцы, даны, норвежцы, фризы, саксы, ободриты, руяне, поляки-поморяне, пруссы; на первом месте стояли русы из Старой Ладоги, Новгорода и Пскова» (Херрман, 1986. С. 63, 64).

Чрезвычайно интересным для наших выводов являются наблюдения исследователя Хедебю Г. Янкуна. В период расцвета в Хедебю насчитывалось несколько сот человек, может более тысячи. Среди них он выделяет группу населения высокого социального уровня (*primores* — в «Житии Ансара»), которая проживала ближе к гавани и занималась прибыльной торговлей. Представителей этой зажиточной общины «хоронили обособлено от других в заботливо сооруженных деревянных погребальных камерах» (Гуревич, 2007. С. 109).

Несмотря на то что Псков располагался несколько в стороне от основных транзитных водных магистралей, соединяющих Балтийский регион со странами исламского Востока

⁸ Ансарий был послан франкским императором Людовиком с миссионерской целью в Данию, откуда он отправился в Бирку. Прорезав полпути на хорошо оборудованном корабле, Ансарий с сопровождавшими его купцами столкнулись с пиратами — «разбойными викингами». Несмотря на то, что «купцы на их корабле защищались мужественно и сперва даже успешно; но при повторном натиске нападавшие их одолели; пришлось вместе с кораблем отдать им все свое добро; они сами чудом избежали [гибели] и спаслись на суше» (Цит. по: Херрман, 1986. С. 61)

и Византией, он занимал чрезвычайно выгодное географическое положение, являясь вместе с Изборском форпостом на северо-западном пограничье восточнославянского мира. Древнейшее городище в Пскове появилось в VIII–IX вв. на мысу при слиянии двух рек — Псковы и Великой. В начале X в. к югу от него начал формироваться посад, а на месте старого городища — детинец. В X в. город разрастался вдоль левого берега р. Псковы и правого берега р. Великой. Как показывают археологические материалы, к концу столетия Псков стал крупным торгово-ремесленным и административным центром на северо-западной окраине Древнерусского государства. О включении псковского региона в систему международной торговли свидетельствуют клады арабского серебра, отдельные восточные и византийские монеты, вещи прибалтийско-финского и скандинавского происхождения (Яковлева и др., 2012. С. 146–148, 159). Связь с Балтикой осуществлялась благодаря водному пути по р. Великой, Псковско-Чудскому озеру и р. Нарве. (Сорокин, 1999. С. 185–193). В то же время для развития региона не менее важной являлась сухопутная дорога, идущая из Новгорода через Псков в земли прибалтийских финнов и далее на Балтику. На псковско-изборском участке она функционировала уже в X в. (Александров, 2009). Псков в полной мере сравним с раннегородскими центрами Балтийского региона с полиэтническим составом населения.

Анализ материала Старовознесенского могильника показывает, что археологический контекст этого памятника позволяет интерпретировать его как кладбище купеческой общины, живущей семьями. Закономерно возникает вопрос, почему эта группа зажиточного населения жила отдельно в пригороде, а не в самом городе? Известно, что в древнерусских городах, в данном случае ярким примером является Новгород, местное купечество строило свои усадьбы в черте основной городской застройки. Корпоративность псковской торговой общины невольно наводит на параллели с топографической обособленностью иноземных торговых

диаспор в раннегородских центрах Балтийского региона — первых предшественников торговых дворов в период развитого средневековья. Во второй половине X в. в окрестностях Пскова поселилась пришедшая купеческая община, возможно, владеющая определенным земельным участком. Исходя из общего облика их материальной культуры, включающего такие этноопределяющие признаки, как детали погребального обряда в обустройстве камер и дарах, покроем и металлические элементы одежды, можно предполагать, что данная группа людей имела скандинавское происхождение. При первых публикациях материалов Старовознесенского могильника скандинавская принадлежность погребенных у исследователей не вызвала особых сомнений (Яковлева, 2006. С. 77, 78; Михайлов, 2006. С. 86). В дальнейшем формулировки стали более обтекаемые («значительная роль скандинавского компонента») (Яковлева и др., 2012. С. 151, 153).

В этой связи особый интерес приобретает мнение антропологов. К сожалению, в силу естественных условий сохранность костного материала чрезвычайно плохая, так что для полноценного палеоантропологического анализа удалось использовать только череп из женского погребения № 1. Проведенное сравнительно-краниологическое изучение особенностей строения черепа позволили Д. В. Пежемскому сделать следующее заключение: «сочетание долихо-мезокранной и очень низкой черепной коробки с узким и относительно высоким, резко профилированным лицом свидетельствует о североевропейских связях. Это хорошо узнаваемый краниологический комплекс, присущий целому ряду популяций Северной Европы, относимых к атлантико-балтийской малой расе, в основном говорящих на германских языках», однако, как полагает автор, *не резко выступающий нос* «более естественно вписывается в размах морфологической изменчивости популяций Северо-Запада Русской равнины» (Пежемский, 2016. С. 568). Далее Д. В. Пежемский отмечает, что полученные краниологические данные некоторым из его коллег, в частности С. Л. Санкиной,

позволяют интерпретировать подобные черепа как «скандинавские», но сам он считает, что «выявленные так называемые „скандинавские“ серии свидетельствуют о длительном сохранении (консервации) антропологических особенностей древнего населения Северной Европы» (*Там же*). Сравнив череп из псковской камеры с антропологическим материалом, полученным при исследовании широкого круга памятников Восточной Европы, включая Новгород, Старую Ладугу, Гнёздово, Шестовицы, могильники на территории Северо-Запада и Юго-Восточного Приладожья, а также с краниологической серией из шведского средневекового могильника Вестерхусе, Д. В. Пежемский пришел к выводу, что «в эпоху Средневековья на Русском Севере и Северо-Западе сохранялся древний антропологический тип, широко распространенный в Северной Европе и на Севере Восточной Европы в эпоху бронзы. Можно предположить, что средневековые популяции Скандинавии, некоторые группы Прибалтики и Северо-Запада России будут очень близки по своим физическим характеристикам в силу того, что они сформировались на основе одного и того же древнего расового пласта» (*Там же*. С. 575). По мнению Д. В. Пежемского, по данным антропологии нельзя бесспорно отнести череп из псковского некрополя к сугубо скандинавскому антропологическому типу,

так как он представляет некий общий тип, характерный для средневекового населения не только Северной Европы, но и Северо-Западной Руси. Однако независимо от нюансов в интерпретации антропологических данных можно сказать, что женщина, похороненная со значительным количеством вещей, относящихся к скандинавскому кругу древностей, по антропологическим характеристикам вписывается в популяции Балтийского региона, что никак не противоречит нашим выводам. В данном случае можно лишь пожалеть, что краниологическое исследование возможно было провести только по одному черепу, поскольку морфологические характеристики индивидуума могут отличаться от среднегрупповых.

Старовознесенский могильник — интереснейший археологический памятник на территории Восточной Европы. Его открытие дало исследователям новые материалы о характере и деталях погребального обряда камерных погребений, социальной стратификации раннегородского древнерусского общества, славяно-скандинавских отношениях. Некоторые особенности данного некрополя позволили мне предложить его интерпретацию, которая согласуется с археологическими и письменными источниками, имеющимися у нас по торговым эмпориям периода викингов Южной Балтики и Скандинавии.

Александров, 2001 — Александров А. А. Во времена княгини Ольги. Псков, 2001. 279 с.

Гайдуков, Калинин, 2012 — Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 403–435.

Гуревич, 2007 — Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги / Ред. С. Я. Левит. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 350 с.

Древнерусский некрополь, 2016 — Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века / Ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 2: Камерные погребения Пскова. По материалам археологических раскопок 2003–

2009 гг. у Старовознесенского монастыря. 624 с.

Ениосова, 2007 — Ениосова Н. В. Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции / Ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 307–315.

Ениосова, 2016 — Ениосова Н. В. Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского

- некрополя // Древнерусский некрополь... 2016, Т. 2. С. 518–558.
- Ершова, 2016а — Ершова Т. Е. Камерное погребение 6 // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 257–308.
- Ершова, 2016б — Ершова Т. Е. Камерное погребение 8 // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 347–371.
- Ершова, Яковлева, 2016 — Ершова Т. Е., Яковлева Е. А. Камерное погребение 4 // Древнерусский некрополь... 2016 Т. 2. С. 200–224.
- Жарнов, 1992 — Жарнов Ю. Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 23 с.
- Жуковский, 2019 — Жуковский М. О. Инструменты для малых взвешиваний Древней Руси (IX–XIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 34 с.
- Зубкова, Орфинская, 2016 — Зубкова Е. С., Орфинская О. В. Текстиль из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 373–394.
- Лециевич, 1997 — Лециевич Л. Хозяйственные функции и топография ранних городов западных славян // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997. СПб., Псков. 1997. Т. II. С. 9–12.
- Литаврин, 1982 — Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источника // Византийский временник. 1982. Т. 42. С. 35–48.
- Макаров, 2012 — Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX — X веках. Археологическая панорама / Ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 449–459.
- Мальшиева, 2012 — Мальшиева Н. Н. Раннегородской некрополь Пскова (по материалам раскопок на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века / Ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2012. Т. 1: Раннегородской некрополь Пскова. По материалам раскопок на территории Среднего города. С. 26–90.
- Михайлов, 2006 — Михайлов А. В. Камерное погребение Старовознесенского II раскопа // АИППЗ. Вып. LI. Псков, 2006. С. 79–87.
- Михайлов, 2016 — Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX — начала XI века в контексте североευропейских аналогий / Ред. Е. Н. Носов, Н. И. Платонова. СПб.: Издательский дом «Бранко», 2016. 272 с.
- Мусин, 2002 — Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности / Ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 272 с.
- Пежемский, 2016 — Пежемский Д. В. Опыт антропологического исследования останков из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 560–578.
- Платонова, 2017 — Платонова Н. И. Древнерусская культура и древнерусская элита: проблемы и перспективы исследований // *Élite ou Égalité ... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 9–29.
- Пушкина, 1991 — Пушкина Т. А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 226–243.
- Пушкина, 2016 — Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX — XI вв. // Древнерусский некрополь... 2012. Т. 1. С. 5–25.
- Сорокин, 1999 — Сорокин П. Е. Водный путь по Псковско-Чудскому озеру и реке Нарве // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. Псков: Стерх, 1999. С. 185–200.
- Херрман, 1986 — Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы / Общ. ред. Е. А. Мельникова. М.: Прогресс, 1986. С. 8–145.
- Яковлева, 2006 — Яковлева Е. А. Камерное погребение X в. из Старовознесенского раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы LI заседания. Псков, 2006. С. 66–78.
- Яковлева, 2016а — Яковлева Е. А. Историко-топографический очерк территории

- Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 5–26.
- Яковлева, 2016б — Яковлева Е. А. Деревянные сооружения камерных погребений // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 484–505.
- Яковлева, 2016в. — Яковлева Е. А. Торговый инвентарь из камерных погребений Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 476–483.
- Яковлева и др., 2012 — Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королёва Э. В. Псков // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 139–159.
- Aleksandrov, 2009 — Aleksandrov A. A. Vana tee Pihkvast Irboskasee // Setomaa-2. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. Lk. 175–176.
- Gräslund, 1980 — Gräslund A.-S. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö / Ed. G. Arwidsson. Birka IV. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Anticvitets Akademien, 1980. 94 p.

Interpretation of chamber burials of the 10th — early 11th century on the Starovoznesensky height in Pskov

N. V. Khvoshchinskaya

In 2003–2009, during the rescue archaeological excavations in Pskov near the old Starovoznesensky monastery, eight chamber burials were uncovered. They were located separately from the main urban cemetery and differed in their character of their burial rite and an uncommonly rich grave inventory. Even in the graves rifled still in antiquity, there were objects and ornaments indicating a luxurious decor of the costume of the buried and rich offerings put in the chambers.

At present, the chamber rite of burial is considered by the researchers not as a foreign phenomenon borrowed by the early Russian culture but as its intrinsic component. It arose in Rus' in the milieu of the local elite of the new Russian society exactly in the period of the establishment of the state system. However, an archaeological source, as a rule, does not allow us to answer the question about the sphere of activities or kinship of the persons buried in the Sрубnaya (Timber-grave) tombs. In this connection, the materials from the Starovoznesensky cemetery present us an extremely fortunate chance through which we are able to interpret the group of population who left these burials. The basis of this is in a series of fairly uncommon objects related with international trade and indicating travels to Byzantine Empire. These objects are silver miliarisia and polychromous silk textiles which may have been received as donations during solemn ceremonies at the courts of the emperors, as well as a gold nugget and bars of sterling silver in the form of neck rings, and two bracelets, which were used as payment means. In addition, a stable element of the grave offerings was represented by folding balances accompanying the interred independently of their sex and age: possibly they served as a symbol of the merchant status in the graves. In the light of all the abovementioned facts, the Starovoznesensky burial ground can be undoubtedly considered as a cemetery of the merchant community families living in Pskov and, possibly, possessing certain land plots outside the urban territory. A similar situation is recorded by materials from excavations in Hedeby where the group of population of a high social status lived close to the haven, occupied with trade and having a separate cemetery isolated from that of other residents of the city.